

«Мы имеем дело с очень хорошим человеческим материалом».

Австрийские шуцбундовцы в СССР

Аннотация: В статье исследуется феномен интеграции в советскую систему второй половины 1930-х гг. шуцбундовцев – бойцов военизированной организации австрийской социал-демократии, которые в феврале 1934 г. подняли восстание против «австрофашистского» режима Э. Дольфуса. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных источников (директивы Политбюро, документы Коминтерна, следственные дела жертв «большого террора») автор показывает, какие усилия предпринимались различными инстанциями СССР для пропагандистского и производственного использования того человеческого потенциала, который оказался в стране в результате массовой иммиграции шуцбундовцев. Первоначально помещенные в «золотую клетку», они были лишены возможности увидеть реалии советской жизни. Последующий процесс интеграции содержал в себе как позитивные примеры превращения австрийских рабочих в лояльных советских граждан, так и растущее неприятие значительной частью шуцбундовцев правил поведения и идеологических стереотипов сталинской эпохи. В статье использован метод сравнительного исторического анализа, а также методика истории повседневности, на основе которых формируется коллективный портрет уникальной социально-национальной общности людей, оказавшихся в Советском Союзе в середине 1930-х гг. Шуцбундовцы вошли в политический пантеон советской пропаганды 1930-х гг. наряду с летчиками, устанавливавшими мировые рекорды дальности, или полярниками, перезимовавшими на льдине. До их прибытия в Советский Союз единственным коллективным героем в странах Европы являлись коммунисты, хотя ни для кого уже не являлось секретом, что роль авангарда общественного прогресса оказалась им не под силу. «Бойцы венских баррикад» позволяли придать новое звучание тезису об обострении классовой борьбы на современном этапе, включить в него антифашистскую составляющую.

Annotation: The article is a study of the 1930s' integration process into the Soviet system of the Schutzbund – combatants of the militarized Austrian Socio-Democratic organization, who in February 1934 rebelled against the “Austrofascist” regime of E. Dollfuss. On the basis of archive sources introduced for scientific use for the first time (Politburo guidelines, Communist International documents, investigation files of the victims of the “Great Terror”), the author demonstrates the efforts undertaken by various authorities in the USSR to use the Schutzbund manpower potential, which entered the country through mass immigration, for the benefit of propaganda and industry. Originally placed in a “golden birdcage”, they were deprived of seeing the realities of Soviet life. The subsequent integration process produced positive examples of Austrian workers becoming loyal Soviet citizens, but also instances of growing rejection by a significant number of Schutzbund of the rules of conduct and ideological stereotypes of the Stalin period. The article uses the method of comparative historic analysis, and also the methodology of everyday life history, which lays the foundation for the depiction of the collective portrait of a unique socio-national community within the Soviet Union in the mid-1930s. The Schutzbund joined the political pantheon of the 1930s' Soviet propaganda alongside record-setting aviators and polar explorers who wintered on ice. Before their arrival in the Soviet Union, the only European collective heroes were the communists, although it was no longer a secret that they were not up to the role of leading social progress. The “soldiers of the Vienna barricades” brought a new meaning to the thesis of the contemporary intensification of the class struggle, inserting in it the anti-Fascist component.

Ключевые слова: Шуцбунд, Февральское восстание, иностранные рабочие СССР, Коминтерн, антифашистская борьба, сталинский режим, социальная интеграция иностранцев, советско-австрийские отношения, Народный фронт, производственные конфликты.

Key Words: Schutzbund, February Uprising, USSR foreign workers, Communist International, anti-Fascist struggle, Stalin regime, social integration of foreigners, Austro-Soviet relations, Popular Front, labour conflicts.

В отличие от таких понятий межвоенной европейской истории, как, например, гестапо или интербригады, слово «шущбунд» совершенно исчезло из современного русского лексикона. О шущбундовцах не снимают кино, в них не играют дети, а ведь в середине 1930-х гг. их организация воспринималась как авангард антифашистского движения в Европе, впервые выступивший с оружием в руках против праворадикальной реакции и авторитарного режима. Лишь события Гражданской войны в Испании отодвинули на второй план героический образ шущбундовцев – бойцов и командиров военизированных отрядов Социал-демократической рабочей партии Австрии.

Именно они 12 февраля 1934 г. подняли в Вене и других австрийских городах вооруженное восстание против «австрофашизма», олицетворением которого был канцлер Энгельберт Дольфус, поправший демократическую конституцию страны. Кровавые бои в рабочих кварталах, в ходе которых правительственные войска применяли тяжелую артиллерию и авиацию, продолжались несколько дней и завершились поражением шущбундовцев. Неоправданная жестокость, проявленная властями при подавлении восстания, вызвала волну протестов левых политических сил во всех европейских странах, породила широкую кампанию международной солидарности с его участниками.

Тысячи австрийских бойцов были вынуждены на долгие годы покинуть свою родину, около 800 из них оказалось в Советском Союзе. Позже к ним присоединились жены и дети, так что можно говорить о нескольких шущбундовских коллективах, существовавших на протяжении не одного года и сосредоточенных в Москве, Ленинграде, Харькове, Ростове-на-Дону. Об условиях повседневной жизни эмигрантов из Австрии, попытках их интеграции в идейно-политическую систему сталинизма и трагическом финале в годы «большого террора» существуют серьезные научные исследования.¹

Чтобы не повторять выводы австрийских коллег, автор избрал иную постановку вопроса, сосредоточив свое внимание на том, какую роль играл «шущбундовский фактор» в СССР второй половины 1930-х гг., в какой мере биографии австрийских антифашистов оказались вплетены в общую канву эволюции советского общества

той эпохи. В качестве впервые вводимых в научный оборот архивных источников в статье использованы протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), обсуждавшего вопрос о шущбундовцах более десяти раз, материалы Международной организации помощи борцам революции (МОПР), взявшей на себя практическую помощь прибывшим в СССР австрийцам, и, наконец, архивно-следственные дела тех из них, кто попал в жернова сталинских репрессий.

Огромный всплеск симпатий к шущбундовцам вызвали сообщения советской прессы, живописавшие героизм австрийских рабочих в ходе февральских боев 1934 г. Первоначальные восторги их авторов не знали границ: «пролетарская революция стучит в сердце Европы».² Газетные репортажи из Вены были выдержаны в стилистике нарратива о гражданской войне в России, где величие «красных» оттенялось «зверствами белых».³ Так, войска Дольфуса, ведя наступление на рабочие кварталы, гнали перед собой заложников, пускали отравляющие газы, добивали раненых. Полицейские самолеты обстреливали здания, где укрепились восставшие, закидывали бомбами. Чтобы не допустить обстрела своих домов, женщины с грудными детьми садились в проемах окон, но на них не обращали никакого внимания. Каждого, кого хватили с оружием в руках, немедленно ставили к стенке. Детей, подославших шущбундовцам еду и патроны, расстреливали наравне с взрослыми бойцами.

Полные драматизма сообщения газет о событиях в Вене не могли оставить равнодушными их читателей. На ряде предприятий прошли митинги солидарности, уже в начале марта МОПР перевел из своего бюджета миллион шиллингов в Австрию, призвав советских трудящихся провести сбор средств под лозунгом: часовую зарплату в неделю – жертвам австрийских боев.⁴ Вскоре стало очевидно, что традиционные формы помощи недостаточны: скрываясь от преследований полиции, шущбундовцы нелегально переходили границу Чехословакии, однако Прага была отнюдь не в восторге от наплыва неожиданных гостей.

Советские чиновники выражали готовность принять австрийцев в своей стране, ставя

² Австрия в огне // Правда. 14 февраля 1934 г.

³ См. о формировании образов врага: Гражданская война в России (1917–1922 гг.): взгляд сквозь десятилетия. Самара. 2009.

⁴ Проект письма Исполкома МОПР в ЦК МОПР Австрии от 8 марта 1934 г. (РГАСПИ. Ф. 539. Оп. 3. Д.264. Л. 5).

¹ McLoughlin B., Schafrank H., Szewera W. Aufbruch – Hoffnung – Endstation. Oesterreicherinnen und Oesterreicher in der Sowjetunion, 1925–1945. Wien, 1997. S. 159–434.

окончательное решение в зависимости от проверки их симпатий коммунизму.⁵ В свою очередь в лагерях шуцбундовцев политическую фильтрацию проводили социал-демократические функционеры, отказывая в помощи тем, кто проявлял прокоммунистические настроения. Трогательные рассказы самих шуцбундовцев, публиковавшиеся в советских газетах, во многом предопределили благожелательную позицию руководства СССР по отношению к предоставлению им политического убежища. Австрийский рабочий Карл Гофман прямо заявлял со страниц «Правды»: «Пройти 1 мая с парадом по Красной площади вместе с победоносными русскими рабочими, пример которых нас вдохновлял в борьбе, – вот о чем мы мечтаем!»⁶ Это желание было услышано в Москве. 20 марта 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о готовности Советского Союза принять всех шуцбундовцев, не подозреваемых в шпионаже.⁷

Хотя данное решение было направлено советскому полпреду в Австрии, центром выдачи виз австрийским антифашистам стало дипломатическое представительство СССР в Чехословакии. Оптимальным посчитали вариант с организованным приездом – формированием специального транспорта. 29 марта советский полпред в Праге С. С. Александровский получил разрешение выдать 300 въездных виз участникам февральских боев. Для их приема была создана специальная комиссия под руководством секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова. Очевидно, что в данном случае пропагандистские соображения превалировали над гуманитарными. Прием шуцбундовцев должен был доказать всему миру, что только Советский Союз является «отечеством всех трудящихся», и лучшего дня для подобной демонстрации, чем 1 мая, было не найти.

Лидеры СДРПА выступили против массовой отправки своих бойцов в СССР, считая, что там неискушенные в политике рабочие станут жертвами коммунистической пропаганды. Александровский писал заместителю наркома НКВД Н. Н. Крестинскому 17 апреля 1934 г.: «Вокруг австрийских шуцбундовцев и их поездки в СССР, понятно, разыгрывается, можно сказать, явная классовая борьба». После того, как стало известно о возможности приезда в СССР, социал-демократы – не столько австрийские, сколько

чешские – «стали одновременно саботировать техническое оформление поездки и в то же время старались перенять руководство всем делом, изображая себя в качестве тех, кто добился разрешения на поездку в СССР». «Мы считали важным отправить шуцбундовцев в СССР так, чтобы они были там до первого мая. Здешние социал-демократы были, кроме прочего, заинтересованы как раз в том, чтобы этого не случилось».⁸ Очевидно, что своевременное прибытие первого транспорта в СССР рассматривалось советскими дипломатами как дело чести. Ради этого было решено отказаться от индивидуальной проверки шуцбундовцев и выдать им коллективную въездную визу.

Социал-демократическая пресса, напротив, прилагала немало усилий для дискредитации действий советских властей. В частности, она писала о том, что МОПР не дал ни шиллинга на билеты, и выезд шуцбундовцев из Чехословакии стал возможен только благодаря поддержке европейских социал-демократических партий. В то же время утверждалось, что разрешение на въезд в СССР будет даваться только тем, кто согласится перейти в лагерь Коминтерна.⁹ Действительно, австрийские коммунисты вели в лагерях шуцбундовцев активную кампанию за то, чтобы отправлявшиеся в СССР объявляли о своем разрыве с «социал-фашизмом».

В Советском Союзе развернулась масштабная подготовка к встрече, были продуманы мельчайшие детали, вплоть до особых норм питания и маршрутов движения австрийских эмигрантов.¹⁰ Из пражского полпредства в Москву шли совершенно секретные сообщения: «Следует рассчитывать на то, что несколько агентов Отто Бауэра (лидер СДРПА. – А.В.) все-таки пробрались в этот транспорт». «Приезжающие – это не люди, которые годами были безработными и приезжают изголодавшиеся сюда», они занимали неплохо оплачиваемые должности, жили в домах со всеми удобствами.¹¹ Следовательно, классовая

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Гофман К. Рассказ участников флоридсдорфских боев // Правда. 5 марта 1934 г.

⁷ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 941. Пункт 65/45.

⁸ РГАСПИ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 666. Л.157. После того, как советский вице-консул Вершинин побывал в лагере шуцбундовцев, он пришел к выводу о том, что «мы имеем дело с очень хорошим человеческим материалом» (Там же. Л. 166).

⁹ РГАСПИ. Ф.539. Оп. 3. Д. 265. Л. 15.

¹⁰ По этим нормам каждому шуцбундовцу полагалось 250 г мяса для обеда и ужина, 150 г копченостей мясных, 25 г сыра, одно яйцо и много приятных мелочей – сказочный рацион для Москвы, население которой жило по карточкам (РГАСПИ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 666. Л. 1–2).

¹¹ Сообщение, направленное в ЦК МОПР 21 апреля 1934 г. (Там же. Л.30).

борьба, о которой ранее писал полпред Александровский, неизбежно должна была получить свое продолжение и в Советском Союзе.

Приезд первого транспорта шувбундовцев вписывался в калейдоскоп пропагандистских акций, которые регулярно обрушивались на советского человека, будь то спасение поляриков, установление мирового рекорда летчиками или парад физкультурников на Красной площади. На сей раз был избран сценарий «возвращения блудного сына», которому предстояло стать настоящим коммунистом. Сообщалось о том, что уезжавшие из Праги отказались выслушать прощальное слово командира шувбунда социал-демократа Юлиуса Дейча. Польские власти при движении поезда по территории их страны заставили австрийцев снять красные звезды с их синих беретов.¹² В день приезда шувбундовцев советские газеты опубликовали их коллективное заявление о разрыве с реформизмом – усилия коммунистических агитаторов не прошли даром. Простые австрийские рабочие оказались заложниками не прекращавшейся междуусобицы в международном социалистическом движении.

До Москвы 25 апреля добрались 302 мужчины, 4 женщины и 5 детей, комендантом эшелона являлся Гейнц Рошер, герой обороны венского района Флоридсдорф. Уже на пограничной станции Негорелое в поезд вошли делегаты от ВЦСПС, началось заполнение необходимых бумаг. Предупредительность хозяев не знала границ – гостей поразила обильная и разнообразная еда, комфорт купейных вагонов, а «чистые простыни и одеяла с пододеяльниками привели нас в восторг».¹³

Митинги по пути следования поезда и торжественная встреча в Москве стали незабываемым событием для австрийских рабочих, веривших в искренность чувств тысяч их русских товарищей, пришедших на площадь перед Белорусским вокзалом. После приветствий официальных лиц Рошер выступил с ответным словом: «Нам сказали с этой трибуны, что мы – не гости в Советском Союзе. Да, мы не гости. Мы – ваши братья по классу, по борьбе за социализм».¹⁴ Прибывших разместили в Третьем доме Советов на Садово-Каретной улице. На следующий

день им дали отдохнуть с дороги, потом началась ознакомительная программа – экскурсии по Москве, поездки на крупнейшие заводы столицы. После участия колонны шувбундовцев в первомайской демонстрации они встречались с Надеждой Крупской и Михаилом Калининным.

Особую роль в процессе политической переориентации австрийских рабочих сыграла их встреча с болгарским революционером Георгием Димитровым, который приехал к ним 6 мая. Ее символическое значение было очевидно: герой Лейпцигского процесса о поджоге рейхстага беседует с героями венских баррикад. Впрочем, речь шла не только о символике. Шувбунд был социал-демократической организацией, и встреча с его активными бойцами могла помочь лидерам Коминтерна в поисках путей объединения усилий рабочих партий на почве антифашистской борьбы.

После первомайских торжеств Сталин, очевидно, под впечатлением прохода австрийцев по Красной площади, сделал Димитрову предложение, от которого тот не мог отказаться: «Поговорите с шувбундовцами. Глупо было бы требовать от них, чтобы они сразу же стали членами Коммунистической партии. Ведь они только честные рабочие. И лишь тогда, когда они окончательно станут приверженцами идеи коммунизма, пусть вступают в партию!»¹⁵

В ходе встречи Димитров избегал ставить острые вопросы о взаимоотношениях коммунистов и социал-демократов, рассказывая в основном о ходе Лейпцигского процесса.¹⁶ В его речи трудно найти намеки на отход от коминтерновской тактики дискредитации социалистов. Он говорил и о предательстве последними интересов рабочего класса и о «левых маневрах австромарксистов». Если бы не политика социал-демократов в 1918 г., Австрия давно была бы уже большевистской, а не фашистской страной. В то же время Димитров пообещал участникам встречи: мы не делаем никакого различия между прибывшими из Австрии социал-демократами и коммунистами, никаких материальных преимуществ у последних здесь в СССР не будет. Многие остались за рамками опубликованного варианта речи. Слушателям запомнилась критика Димитрова в адрес австрийской компартии, которая

¹² Герои австрийских баррикад прибыли в Москву // Правда. 26 апреля 1934 г.

¹³ Рошер Г. СССР моя родина. М., 1937. С. 37.

¹⁴ Участники баррикадных боев в Австрии – шувбундовцы – прибыли в Москву // Известия. 26 апреля 1934 г.

¹⁵ Запись беседы со Сталиным в дневнике Димитрова, беседа состоялась в начале апреля 1934 г. (Dimitroff G. Tagebuecher 1933–1945. Berlin, 2000. S. 106).

¹⁶ Gegen die konterrevolutionaere Sozialdemokratie // Dimitroff G. Ausgewaehlte Werke. Bd. 2. Berlin, 1958. S. 464.

в дни вооруженных боев оказалась совершенно изолированной.¹⁷

Уже в первые недели своего пребывания в Москве шущбундовцы были подвергнуты врачебному осмотру, после которого значительная часть из них отправилась на отдых в Крым и на Кавказ. По пути им предстояло убедиться в преимуществах социализма: «Поездка через Украину показала нам объем колхозного и совхозного строительства» в СССР, в то время как в Австрии «сборщик налогов уводит у крестьянина последнюю корову». «Это – не потемкинские деревни, как нам хотели внушить австрийские социал-демократические вожди», – писали участники поездки.¹⁸

Тем временем были определены условия пребывания и трудовой деятельности шущбундовцев в Советском Союзе. Постановление Политбюро от 26 мая 1934 г. передавало австрийцев на попечение ВЦСПС. Советским профсоюзам предстояло не только оплачивать их текущие расходы, но и содержать весь персонал «политического обслуживания». Прибывших с первым транспортом следовало распределить между Москвой, Ленинградом и Харьковом, причем австрийцам обещали постоянные квартиры, минимальную зарплату в 250 рублей. Трудоустройство должно было учитывать их пожелания, предоставлялась возможность переквалификации. Жданов уже в апреле согласился с тем, чтобы из списка предприятий, куда направлялись австрийцы, были исключены заводы военной и химической промышленности.¹⁹ Последний пункт постановления Политбюро ставил задачу «налаживания систематической и терпеливой пропагандистской работы среди шущбундовцев для перевоспитания их в духе коммунизма».²⁰

Действие постановления 26 мая было распространено и на второй транспорт шущбундовцев, прибывший в Москву в первых числах июня (списочный состав – 230 человек). Хотя у советских чиновников в Чехословакии было больше времени на отбор политически благонадежных лиц, консульство признало, что не смогло про-

вести собеседование с каждым кандидатом, ибо шущбундовцы были разбросаны по разным лагерям. Организацией приема второго транспорта в СССР занималась та же комиссия во главе с Ждановым. Хотя было продумано все вплоть до мелочей, без инцидентов не обошлось. Во время движения от границы один из австрийцев от резкого толчка поезда вывихнул себе палец. Итог был типичным для тех времен: «Бригада паровоза задержана. Транспортный прокурор ведет следствие».²¹

Прием и размещение шущбундовцев тяжелым бременем легли на бюджет МОПР, поэтому руководство этой организации попросило ВЦСПС компенсировать понесенные расходы за счет средств, собранных трудящимися советских предприятий в помощь австрийским рабочим.²² После пышного приема двух транспортов пропагандистская задача показалась советским властям выполненной. 5 августа Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «третьего эшелона шущбундовцев не организовывать», разрешив последним приезд в индивидуальном порядке.²³ 9 августа 1934 г. в Москву прибыли 115 детей шущбундовцев. Хотя им была оказана радушная встреча, центральные газеты уже не давали о ней развернутых репортажей. Маленьких австрийцев отправили в крымский санаторий, для них был создан особый интернат в центре столицы.²⁴

В первые дни после своего прибытия в Советский Союз шущбундовцы были буквально огулены восторженным приемом, который превосходил любые ожидания. Реакция простых рабочих, некоторые из которых прошли через годы безработицы и нищеты, была легко предсказуемой: «мы здесь как на небесах».²⁵ Не меньшие почести, чем самим шущбундовцам, оказывали ближайшим родственникам погибших или казненных бойцов. Осенью 1934 г. в СССР прибыла с тремя детьми вдова повешенного шущбундовца Карла Мюнхрейтера. Сразу же после прибытия она рассказывала корреспонденту советской газеты на немецком языке:

¹⁷ См. интервью, взятое у шущбундовца Франца Юрицы в 1991 г. (Oesterreicher im Exil – Sowjetunion 1934–1945. Eine Dokumentation. Wien, 1999. S. 30).

¹⁸ Из описания поездки группы шущбундовцев в Кисловодск, подготовленного Леопольдом Ренцем (РГАСПИ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 666. Л. 205–208).

¹⁹ Там же. Л. 152–153.

²⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 162. Д. 16. Л. 66. Решение было оформлено «особой папкой», куда попадали самые секретные постановления Политбюро.

²¹ Секретная докладная записка от 4 июня 1934 г. на имя А.А. Жданова (РГАСПИ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 666. Л. 44).

²² Там же. Л. 151. Письмо Е.Д. Стасовой Н.М. Швернику от 26 августа 1934 г. В приложении к письму названа точная сумма расходов МОПР по приему шущбундовцев – 821 615 рублей 39 коп.

²³ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 949. Пункт 99/81.

²⁴ Schafranek, Hans. Kinderheim Nr. 6. Oesterreichische und deutsche Kinder im sowjetischen Exil. Wien, 1998.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 539. Оп. 3 Д. 265. Л. 29.

в Москве мы не знаем отказа ни в чем, «моих детей буквально избаловали».²⁶

Однако за праздниками неизменно следуют будни. Уже первые месяцы пребывания в СССР показали, что основным препятствием для успешной интеграции шувбундовцев является незнание ими русского языка. Те из них, кто имел рабочую специальность и высокую квалификацию, не могли применить свои знания и умения на практике. Молодые люди, а таковых было большинство, зачастую вообще не имели профессионального образования.

Первое знакомство с условиями труда также вызывало «культурный шок» – австрийцев поражала неорганизованность и хаос производственного процесса, дефицит самых простых инструментов, запутанность тарифов оплаты труда, воровство. Женщин возмущала грязь и неопрятность в гостиницах и общественных местах: мы приехали из культурной страны, мы никогда не сможем привыкнуть к этому безобразию, утверждали они в своих письмах на родину.²⁷ Безупречные образы «рая для трудящихся», которые рисовала коммунистическая пресса в Австрии, на деле оказались пропагандистскими штампами. Зачастую это порождало озлобление, которое только усиливалось воспоминаниями о пышной встрече и первых днях, проведенных в Москве.

И все же подавляющее большинство австрийцев понимало, что попало в страну, которая лишь только начала избавляться от вековой отсталости. Они стремились обрести самостоятельность, чтобы избавиться от дотаций и субсидий. Каждый из них по приезду получал разовое пособие в 500 рублей, одежду, обувь и постельное белье. Австрийцев прикрепили к специальному органу, занимавшемуся снабжением иностранцев продуктами и товарами первой необходимости (Инснаб). При оплате жилья им полагалась 50-процентная скидка. После трудоустройства шувбундовцы получали обед в столовой для ударников или инженеров, что еще больше отгораживало их от массы русских рабочих, стимулировало зависть и отчуждение со стороны последних.

За бытом и производственными успехами рабочих из Австрии дотошно следили многочисленные учреждения – партийные и профсоюзные органы, Коминтерн и МОПР. Наиболее плотно этим занималось Иностранное бюро

ВЦСПС, созданное в конце 1920-х гг. для обслуживания специалистов, приглашенных на работу в СССР из-за рубежа. Секретарь ВЦСПС латыш А. К. Аболин неоднократно встречался и беседовал с шувбундовцами, стремясь по мере сил разрешать самые острые проблемы, возникавшие в их повседневной жизни.

В июне 1934 г. в Ленинград с инспекционной поездкой отправилась заместитель председателя МОПР Е. В. Шевелева. Она побывала в гостинице «Знаменская», в которой разместили прибывших, и пришла в ужас – по вечерам их кормят в ресторане, где играет джаз и сложилась атмосфера, располагающая к нездоровому образу жизни. Живя на всем готовом, некоторые из австрийцев умудрялись пропить за один вечер до 90 рублей.²⁸ Естественно, это сказывалось на их самочувствии следующим утром и на отношении к работе в целом.

Шевелева побывала в квартирах, которые были выделены для шувбундовцев, проверила, как работает сантехника, нашла слишком тусклым цвет обоев. Но главная проблема, конечно, заключалась не в обоях. «Золотая клетка», в которую поместили австрийцев, на деле оказалась одной из множества потемкинских деревень, воздвигнутых в годы первых пятилеток. Получалось так, что чем дальше место проживания шувбундовцев находилось от Москвы, тем хуже там были бытовые и производственные условия. Самая тяжелая ситуация сложилась в Ростове-на-Дону, где все австрийцы начали трудиться на только что введенном в строй предприятии «Ростсельмаш». Завод был построен буквально в чистом поле, добираться до него приходилось случайным транспортом, австрийцы жаловались на отвратительное качество еды в столовой, простои на производстве.

В первые месяцы своего пребывания в СССР шувбундовцы занимались не только собственным обустройством. Значительное место в их переписке с советскими властями занимала забота о родных, оставшихся на родине. В январе 1935 г. Политкомиссия Исполкома Коминтерна (ИККИ) рассматривала вопрос о переводе заработанных шувбундовцами денег за границу.²⁹ Более предпочтительным с точки зрения советских чиновников выглядел вариант воссоединения семей, хотя и он был связан с многочисленными бюрократическими проволочками.

²⁶ Wir freuen uns in der Sowjetunion zu sein // Deutsche Zentral-Zeitung. 15. Oktober 1934.

²⁷ Oesterreicher im Exil. S. 58, 95.

²⁸ Доклад от 21 июня 1934 г. (РГАСПИ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 666. Л. 209–220).

²⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 4. Д. 331. Л. 6.

Молодежь обзаводилась семьями уже в СССР, причем от бдительных глаз проверяющих не ускользнул прагматизм в устроении личной жизни: «Надо отметить, что со стороны шуббундовцев есть ряд случаев несерьезной женитьбы, в женитьбе на русских большую роль играет материальная сторона, потому что русские жены зарабатывают значительно больше, некоторые по 300–400 рублей».³⁰ Случалось, что приехавшая из Австрии после долгих мытарств жена или подруга оказывалась уже ненужной, ибо вызвавший ее человек за время ожидания успел устроить свою личную жизнь в России.

Местные власти и руководители предприятий воспринимали появление австрийцев как очередное партийное поручение, от которого нельзя отмахнуться, но которому можно не уделять особого внимания. В конце концов, решающим фактором оценки их работы являлось выполнение плана по выпуску продукции, а шуббундовцы выступали лишь в роли дополнительной финансовой нагрузки. «По вопросу о распределении (австрийцев на предприятия. – А.В.) нам больше всего приходилось бороться. Буквально ни один хозяйственник не хотел добровольно без нажима взять шуббундовцев. Он считал это величайшей обузой: придется предоставлять постоянную квартиру, а работники малопценные», – утверждал на одном из совещаний представитель ленинградского совета профсоюзов Алексеев.³¹

Предчувствие, что принятие на работу шуббундовцев обернется для них головной болью, не обмануло директоров предприятий. И дело было не только в квартирах. Австрийцы удивлялись грязи и необустроенности в заводских цехах, плохой организации производственного процесса. Имея априорные представления о «государстве рабочих», которое построено на началах самоуправления, они стали забрасывать администрацию рационализаторскими предложениями. Та, привыкшая к иному настроению подчиненных, возмущалась тем, что пришельцы лезут со своим уставом в чужой монастырь. Лишь тогда, когда кто-то из шуббундовцев отказывался работать и собирался вернуться на родину, начинались уговоры и увещевания.³²

Удивление местных властей, директоров заводов и профсоюзных секретарей по поводу «не-

благодарных австрийцев» можно понять. Их отношение к местным рабочим было выдержано в духе патернализма сталинской эпохи – начальство решало, как и в каком объеме оплачивать труд подчиненных, последние же уподоблялись детям, которые в любом случае должны испытывать благоговение перед строгими родителями. Австрийские рабочие, а тем более те из них, кто прошел школу социал-демократического воспитания, несли в себе иную иерархию ценностей. Они отказывались закрывать глаза на показуху и очковтирательство, при конфликтах на производстве они заявляли, что не видят разницы между советским и капиталистическим заводом, а следовательно, имеют право на забастовку или демонстративное оставление своего рабочего места.

Администрация заводов, напротив, рассматривала борьбу австрийцев за свои права как «выбивание привилегий» или «рваческие настроения». В ряде случаев это действительно имело место, однако являлось не правилом, а исключением. Медвежью услугу шуббундовцам оказал помпезный прием и жизнь на всем готовом в первые недели после приезда в Советский Союз. Благодаря ежемесячной дотации в 250 рублей, которая выплачивалась независимо от трудовых успехов, значительная часть австрийцев являлась по сути дела пенсионерами на содержании того или иного завода. Во второй половине 1935 г. такую дотацию все еще получало более половины шуббундовцев, оказавшихся в СССР.³³

Если на первых порах они воспринимались как жертвы фашистского режима и братья по классу, то со временем эти позитивные образы вытеснялись стереотипом «незваного гостя». В условиях жестокого дефицита жилплощади в крупных городах австрийцы занимали квартиры тех, кто ждал их годами, жили на незаработанные деньги, получали особое питание и одежду. По своему социальному статусу они приравнивались к иностранным специалистам, отношение к которым у их русских коллег было отнюдь не восторженным.³⁴

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 206. Л. 47.

³⁴ «Советские рабочие понимали, что иностранцы, которые занимаются особой работой, получают за нее соответствующее вознаграждение. Но иностранные рабочие, которые на тех же станках производят то же самое, но при этом получают несравненно большую зарплату – этого они не могли понять. Поэтому они скрипели зубами от злости и сжимали кулаки в карманах из-за такого «равенства», когда шли мимо зала для иностранцев в грязную и душную столовую, чтобы получить свою порцию отвратительной еды», – писал в своих мемуарах швейцарский печатник, работавший до 1938 г. в Москве (Derendinger E. Erzählungen aus dem Leben. Als Graphiker in Moskau 1910 bis 1938. Zuerich, 2006. S. 362).

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 206. Л. 17.

³¹ Там же. Л. 30.

³² Oesterreicher im Exil. S. 146.

Идеализация шущбундовцев как героев антифашистского сопротивления вела к разочарованию тех, кто общался с ними по долгу службы, или просто товарищей по работе. Оказалось, что приехали не рыцари без страха и упрека, а вполне обычные люди, которые ведут себя так же, как и русские рабочие. Комиссия, побывавшая в Харькове в начале 1935 г., отмечала «пьянство, драки, прогулы и симуляции среди определенной части шущбундовцев». Лентяи и туняядцы быстро разобрались в том, какие преимущества социального страхования можно обернуть себе на пользу. Только в Харькове за ноябрь 1934 г. австрийцами было пропущено по болезни 400 рабочих дней, благо, что в гостинице «Спартак», где те проживали, постоянно находился прикрепленный к ним врач.³⁵

Стереотипом в бюрократической переписке по поводу шущбундовцев стало выражение «плохие элементы», которые портят «здоровый коллектив». Инспектора ВЦСПС предпочитали не искать причины их растущего недовольства в собственном бюрократизме или бытовых неурядицах, а давали объяснения в общем русле шпиономании, охватившей СССР во второй половине 1930-х гг. В отличие от большинства местных жителей, давно освоивших правила игры в общении с властью, австрийцы выглядели пришельцами с другой планеты, не способными освоить азы советского поведения.

Успешные примеры интеграции получали широкую огласку. Гейнц Рошер возглавил показательную бригаду на автозаводе имени Сталина, учился в Коммунистическом университете народов Запада, ездил с докладами о февральских событиях в Австрии по всей стране, стал депутатом Моссовета. К нему из Вены приехали жена и сын. Рошер обладал бесспорным авторитетом в коллективе шущбундовцев, бичуя его недостатки: «слабые элементы среди шущбундовцев путались у нас под ногами со своими ничтожными недовольствами и сомнениями, не умея оторваться от своей капиталистической пуповины».³⁶ Все это не спасло командира шущбундовского отряда во Флоридсдорфе от трагического финала – расстрела в мае 1938 г., о котором семья, высланная из СССР после ареста отца и мужа, так и не узнала.³⁷

Пропагандистская функция шущбундовцев на протяжении всего периода их пребывания

в Советском Союзе оказывалась более важной, чем их реальные производственные успехи. В первую годовщину февральских событий делегация австрийцев ездил по стране, выступая с докладами о своем боевом опыте.³⁸ Их восторги по поводу достижений индустриализации, их рассказы о собственной перековке были весьма востребованы, ибо давали то, чего так не хватало сталинской системе во второй половине 1930-х гг. – позитивное эхо иностранных приверженцев социализма.

Восторженное отношение части шущбундовцев к своей новой родине трансформировалось в пропагандистские статьи и брошюры, выходявшие массовыми тиражами. Знакомство с публикациями подобного рода порождает серьезные сомнения в их авторстве. С живыми деталями и искренними сюжетами соседствовали идеологические штампы, явно привнесенные извне. Так, рассказы о февральских боях сопровождались вставками о предательстве социал-демократов и прозорливости коммунистов.³⁹ Почти обязательным было оптимистическое заключение: «Большая часть товарищей, перешедших границу, в том числе и я, приехали в СССР для того, чтобы здесь принять непосредственное участие в стройке социалистического государства и подготовиться к грядущим и близким боям за советскую Австрию, за мировую Октябрь».⁴⁰

Естественное чувство благодарности шущбундовцев за теплый прием и интерес к своей новой родине, поставленные на службу пропаганды, приводили к обратному эффекту. «То, что мы увидели... заставило нас устыдиться своего невежества. Перед нами были первоклассные индустриальные предприятия, оборудованные новейшей современной техникой, перед нами раскрывалась сущность социализма».⁴¹ Критически настроенный советский читатель после прочтения нескольких страниц подобного елеса мог задаться вопросом, где же находится такая страна и можно ли в нее попасть без профсоюзной путевки или направления от партийного комитета.

Однако для большинства потребителей подобного рода литературы, выходявшей в партийных, комсомольских и профсоюзных

³⁵ Письмо шущбундовца Иоганна Крауса из Харькова (РГА-СПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 205. Л. 9–10).

³⁶ Рошер Г. Указ. соч. С. 76.

³⁷ McLoughlin B., Schafranek H., Szewera W. Op. cit. S. 405–409.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 4. Д. 328. Л. 5.

³⁹ См. Рошер Г. Бои в Флоридсдорфе. М., 1935; Говорят бойцы австрийских баррикад. М., 1935.

⁴⁰ Цартель Ф. Марш «47» // Интернационал молодежи. 1934. № 7. С. 21.

⁴¹ Рошер Г. СССР моя родина. С. 44.

издательствах, важнее было другое. Советских людей, лишенных возможности для внутренней критики, очень интересовал взгляд со стороны, и здесь мнение благожелательно настроенных собратьев по классу играло огромную роль. Похвалы со стороны австрийских пролетариев придавали их советским товарищам уверенность в том, что они движутся в правильном направлении и «временные трудности, вызванные враждебным окружением и происками внутренних врагов», как писала советская пресса, рано или поздно сменит счастливым и беззаботное социалистическое будущее.

Книга с рассказами детей шугбундовцев, обращенная к советским пионерам, явилась рекордсменом по тиражу.⁴² В ней приводилась стандартная версия февральских событий без какой-либо поправки на возраст читателей: «Когда фашисты начали разоружать шугбунд, социал-демократические вожди постарались всяческими мерами удержать рабочих от решительных выступлений, призывая их к спокойствию и смирению». ⁴³ Сборник рассказов о детях, героически помогавших своим отцам, был наполнен натуралистическими сценами сражений, убийств и т.д. Девочку, тащившую винтовку на баррикаду, подстрелили фашисты-хаймверовцы. «Каролину, эту маленькую героиню, хоронили в тот же день. Ребята-пионеры провожали ее гроб».

Советским читателям, восхищавшимся героизмом юных австрийцев, одновременно приходилось сочувствовать их низкому культурному уровню («никто из детей не слышал ни одной оперы»), наличию пережитков буржуазного индивидуализма у некоторых из них.⁴⁴ Но целебный воздух социализма неизменно приводил перекровку к полному успеху. Свидетельством этого являлись письма детей родителям в Австрию, которые внимательно изучались, а порой и сочинялись их воспитателями. Австрийская секция МОПР неоднократно напоминала Москве, что на регулярность такой переписки следует

обратить особое внимание.⁴⁵ Вот характерный пример идеологически выдержанной обработки детских впечатлений: «Далеко позади осталась Вена, а с нею и весь капиталистический мир. Австрийские ребята вспоминают о нем только тогда, когда в письмах к родным описывают все великолепие окружающей их обстановки».⁴⁶

До 1941 г. в Австрию вернулось 220 шугбундовцев, т.е. около четверти эмигрантского коллектива, разбросанного по крупнейшим городам Советского Союза. Примерно столько же, по подсчетам австрийских историков, было репрессировано советскими органами госбезопасности в годы «большого террора».⁴⁷ Первыми из Ленинграда в Австрию уехали Отто Мюллер и Йозеф Зейтлингер. Дело не обошлось без скандала, который грозил превратиться в дипломатический. Оба заявляли, что товарищи их преследуют и угрожают расправой, посол распорядился устроить их на ночлег в здании австрийского представительства. В конце концов санкцию на выезд Мюллера и Зейтлингера дало Политбюро ЦК ВКП(б).⁴⁸ Осенью 1934 г. вернулся на родину Алоиз Хиллек. Недовольный условиями жизни – его отправили работать в Сибирь на Кузнецкстрой, он перебрался в Луганск, а затем в Москву, получил от посольства 100 шиллингов и через два дня уехал.⁴⁹ Угроза пойти в консульство, т.е. обратиться за помощью к классовому врагу, разрушала пропагандистский образ «героев венских баррикад», поэтому советская пресса ни об одном случае возвращения шугбундовцев на родину не писала.

Сами они предпочитали называть в качестве причин отъезда абстрактную «тоску по родине», болезни, непривычную еду и климат. Многих выводило из себя то, что они не могли самостоятельно решить свой квартирный вопрос. Московское представительство Компартии Австрии (КПА) и активисты коллектива шугбундовцев принимали активные меры для противодействия желающим вернуться на родину. Под наблюдением находилось здание австрийского представительства в Москве, как

⁴² Смирнов Е. Есть на свете Москва! (Рассказы юных шугбундовцев). М., 1935. (Серия «Беседы у костра»). Тираж 50 тыс. Остальные брошюры, написанные от имени шугбундовцев, выходили в СССР тиражами в 20–30 тыс. экземпляров.

⁴³ Там же. С. 8.

⁴⁴ Некоторые из детей рассматривали свое пребывание в СССР как результат чьей-то благотворительности. Другие проявляли эгоизм: «то, что тебе дают, нужно брать. Если дающий уступчив, нужно выжать из него как можно больше» (Байес Ф. Дети шугбундовцев в Советском Союзе. М., 1935. С. 15–16). Фриц Байес был педагогическим руководителем Детского дома № 6, где разместили детей шугбундовцев.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 539. Оп. 3. Д. 270. Л. 28.

⁴⁶ Байес Ф. Указ. соч. С. 14.

⁴⁷ McLoughlin B., Schafranek H., Szewera W. Op. cit. S. 341. См. также: Маклоклин Б. Бутово: австрийские жертвы сталинского террора // Бутовский полигон. М., 2001. Вып. 5. С. 5.

⁴⁸ «Санкционировать дачу выездных виз двум шугбундовцам с таким расчетом, чтобы они могли уехать уже сегодня» – решение Политбюро («особая папка») от 15 июля 1934 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 948. Пункт 49/31).

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 539. Оп. 3. Д. 264. Л. 83

только становилось известно о его посещении тем или иным человеком, начиналась «проработка» последнего (в ряде случаев завершавшаяся тривиальным избиением). Возвращенцев не останавливала даже информация о том, что на родине их неминуемо ждет арест, суд, и, возможно, длительное заключение (Отто Мюллер получил в Австрии шесть лет тюрьмы, хотя через год был амнистирован⁵⁰). Некоторые из них, надеясь получить прощение, настолько активно включались в антисоветскую кампанию, что это вызывало у австрийских дипломатов оправданные подозрения, является ли подобное «прозрение» искренним.⁵¹

Борьба велась за души не только самих шугбундовцев, но и их русских жен, которых те пытались взять с собой при возвращении в Австрию. С женщинами проводили разъяснительную работу, чтобы не допустить их отъезда из СССР. Австрийское посольство, напротив, оказывало необходимое содействие в данном вопросе, заявляя в то же время просителям, что не может нарушать советские законы. В следственных делах нескольких австрийцев – жертв «большого террора» – сохранилась копия памятки, которую они получали в посольстве. Там говорилось: «Гражданки СССР, в случае выхода замуж за австрийца получают австрийское подданство, но по советским законам они остаются в гражданстве СССР до тех пор, пока не завершат процедуру выхода из него».⁵² Длительность данной процедуры обозначалась в памятке сроком в 5–7 месяцев, что не добавляло ей популярности.

Своего пика поток желающих вернуться на родину достиг к лету 1935 г., информация об этом регулярно сообщалась органами НКВД высшему руководству страны. 31 августа 1935 г. Политбюро приняло решение не препятствовать возвращенцам, и в то же время признало ситуацию крайне тревожной. В решении содержалось поручение секретарю ЦК ВКП(б) Н. И. Ежову и первому заместителю наркома внутренних дел Я. С. Агранову проверить «положение шугбундовцев в СССР как с материальной стороны, так и со стороны их политическое обслуживания».⁵³

В последующей проверке принимали участие Комиссия партийного контроля, НКВД, пред-

ставители ряда промышленных министерств и ВЦСПС. Проект постановления по ее итогам, направленный Сталину,⁵⁴ был выдержан в черном цвете и насыщен бюрократическими штампами той эпохи. Ответственность за провалы целиком и полностью возлагалась на местные власти, причем особенно досталось Харькову. Там «политико-воспитательная работа с шугбундовцами была целиком передоверена совершенно непроверенным политически безграмотным людям, среди которых были выявлены чуждые люди». В результате шпионские и фашистские элементы, связанные с австрийским консулом, успешно проводили контрреволюционную агитацию, что привело к отъезду на родину 20 человек.

Попытка свалить ответственность на самих шугбундовцев вызвала характерную реплику председателя КПК М. Ф. Шкирятова: «Нельзя так говорить, что все они фашисты».⁵⁵ Очевидно, традиция восприятия социал-демократов как «социал-фашистов» в советской пропаганде была столь сильна, что являлась своеобразной подсказкой даже для руководителей на местах. Более точным был анализ Шверника, представлявшего в комиссии советские профсоюзы. Он призвал не идеализировать шугбундовцев: около 10% из них типичные люмпен-пролетарии, эти люди вообще не способны работать, не приучены к дисциплине. «Многие из них даже не скрывают, что труд на заводе их тяготит, и они под разным видом стараются увиливать от работы».⁵⁶

Решения Политбюро по данному вопросу так и не появилось, хотя в подготовленных аппаратом ЦК проектах предлагались достаточно жесткие меры по отношению к местным властям. Последним документом в соответствующем архивном деле является записка заведующего отделом ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова на имя Сталина, Ежова, Кагановича. «Фашистские элементы и шпионы, имеющиеся в группе шугбундовцев, развернули среди них антисоветскую контрреволюционную работу, направляемую австрийским консулом».⁵⁷ Хотя документ не датирован, в его стиле и содержании уже чувствуется дыхание тридцать седьмого года.

Излишне говорить о том, что шугбундовцы находились под плотным контролем не только партийных и профсоюзных инстанций, но и ор-

⁵⁰ McLoughlin B., Schafranek H., Szewera W. Op. cit. S. 288.

⁵¹ Ibid. S. 298; Oesterreicher im Exil. S. 163.

⁵² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28483.

⁵³ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 970. Пункт 308.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 206. Л. 1–3. Документ не датирован.

⁵⁵ Там же. Л. 20.

⁵⁶ Там же. Л. 41.

⁵⁷ Там же. Л. 56.

ганов госбезопасности. «Неправильные» письма детей не доставлялись их родителям и родным в Австрии, а оседали в их личных делах.⁵⁸ За проживавшими в гостиницах шпионили даже уборщицы, докладывая в НКВД, например, о том, что в мусорной корзине оказалась фотография советского вождя, которому во время пьяного застолья провертели штопором дырку во лбу. От всевидящего ока органов госбезопасности, не укрывалось буквально ничего. Они знали, например, о том, что приехавший с транспортом детей шницбундовцев Леопольд Кубачек встречается с сыном одного из сотрудников австрийского посольства и тот угощает его заграничными папиросами.⁵⁹

Накопленный «компромат» был востребован летом 1937 г., когда по всей стране развернулись массовые репрессии, направленные среди прочего против выходцев из других стран, проживавших в Советском Союзе. Их специфической чертой был групповой характер обвинений в политических преступлениях – шла ли речь о шпионских сетях или об организациях контрреволюционных заговорщиков. Это позволяло местным органам НКВД экономить силы и добиваться выполнения невиданных «лимитов на аресты», спущенных с самого верха. Применительно к коллективу шницбундовцев это означало сведение в подобные группы людей, работавших на одном заводе, и даже тех, кто совместно проводил свободное время – например, альпинистов, выезжавших в отпуск на Кавказ и Памир.⁶⁰

Статус политэмигрантов, равно как и иностранное подданство, больше не служили австрийцам защитой от репрессий. Большинство из них проживало по виду на жительство, заменявшему заграничный паспорт, а следовательно, считались иностранцами. Типичным обвинением для последних до середины 1937 г. являлся шпионаж, а приговором – высылка из СССР. В ходе массовых операций органы госбезопасности на местах получили разъяснение из центрального аппарата НКВД, что лица, не имеющие на руках национальных паспортов, въехавшие в СССР по фальшивым документам и

получившие вид на жительство при содействии МОПР, приравниваются к советским гражданам.⁶¹ В предвоенных условиях это означало, что над политэмигрантами, арестованными по «шпионской статье», нависла угроза смертного приговора. Из 220 арестованных шницбундовцев около 30 были расстреляны, подавляющее большинство – на Бутовском полигоне под Москвой.

Судьба конкретного человека в условиях хаоса массовых репрессий была совершенно непредсказуемой. Поскольку шницбундовцы все еще считались вооруженными борцами с «австрофашизмом», следователи НКВД не записывали их в агенты австрийской разведки. Они становились шпионами других государств, преимущественно Германии. Алекс Беренди, венгр по национальности, «признавал», что был завербован во время пребывания в лагере на территории Чехословакии. Попав на автозавод имени Сталина, он якобы не только собирал шпионскую информацию для чешской разведки, но и занимался диверсиями, подбрасывая в картер новых машин всякий металлический мусор. Венгр получил смертный приговор в те месяцы, когда машина террора набрала максимальные обороты: за арестом 21 марта 1938 г. последовали два допроса, и уже через неделю его следственное дело было передано на рассмотрение «двойки» – комиссии Ежова и Вышинского, отправлявшей тысячи и тысячи людей на расстрел.⁶²

Фальсификаторы из НКВД не останавливались ни перед чем. Чтобы как-то связать между собой шпионские сети, они использовали имена шницбундовцев и иностранных специалистов, вернувшихся в Австрию. Даже первый посол этой страны в Советском Союзе, Отто Польш, сделавший так много для налаживания отношений между нашими странами, после своего отъезда из СССР превратился в резидента австрийской разведки, а редакция возглавляемой им газеты «Москауер Рундшау» – местом шпионских встреч.⁶³

В апреле 1938 г. массовые аресты прекратились, хотя приговаривать к расстрелу продолжали до снятия Ежова с поста наркома внутренних дел. Если обвиняемого по тем или иным причинам не успели «оформить» к этому моменту, начинался новый этап следствия – на сей раз без обвинений в шпионаже и избиений. Однако

⁵⁸ Schafranek H. Op. cit. S. 67.

⁵⁹ После окончания школы Кубачек работал и проживал в гостинице «Советская». Он был арестован 10 сентября 1941 г. и получил приговор 8 лет лагерей как «социально-опасный элемент» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-23949).

⁶⁰ McLoughlin B., Schafranek H., Szewera W. Op. cit. S. 239-242; Головкина Л. Шпионаж на вершинах // Бутовский полигон. М., 2002. Вып. 6. С. 42-54.

⁶¹ Vatlin A. In den Faengen der Burokratie: deutsche Emigranten in der UdSSR am Vorabend des «Großen Terrors» // Totalitarismus und Demokratie. 2011. Heft 1. S. 37.

⁶² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-65238.

⁶³ Там же. Д. П-25702.

машина террора не хотела отпускать невинных жертв из своих цепких лап. Оперативные работники госбезопасности фиксировали отказы от вымученных признаний, но в то же время сочиняли новые обвинения, на сей раз в антисоветской агитации.

Для этого нужны были показания свидетелей, как правило, коллег обвиняемого по работе. Последние были запуганы уже самим фактом вызова в органы госбезопасности, однако в их рассказах о взаимоотношениях с австрийцами содержалось достаточно искреннего «негатива». Речь шла лишь о том, чтобы препарировать его в нужном, антисоветском духе. Приведем примеры лишь из трех архивно-следственных дел. Шуцбундовец Фердинанд Флухер, с 1934 г. являвшийся членом КПА, работал обойщиком на автозаводе имени Сталина. Он отверг обвинения в том, что завербован итальянской разведкой для шпионской деятельности, но был вынужден признать обличающие показания свидетелей. При аресте его жены Флухер заявил сотрудникам НКВД, проводившим обыск, что они действуют как фашисты, после этого говорил товарищам по работе: «не сплю ночами и думаю о том, когда возьмут в НКВД и меня».⁶⁴

В протоколах допросов приведены его критические высказывания в адрес советской системы, которые слишком конкретны для того, чтобы быть выдуманными следователем. Флухер подтвердил их и в ходе судебного заседания. Так, при понижении расценок за сделанную работу австриец заявил, что не видит разницы между капиталистическим и советским предприятием. «И там и здесь выжимают последние силы у рабочего, заставляют его работать больше, а платят меньше, чем платили раньше. За границей тогда, когда предприниматель уменьшает зарплату рабочего, коммунистические газеты призывают рабочих к протесту, к забастовке, а здесь в Советском Союзе все газеты молчат».

Хватало в деле Флухера и других высказываний, получавших антисоветскую окраску: «Между активистами и попами нет никакой разницы – раньше пропагандой занимались попы, которым за это платили деньги. Сейчас пропагандой занимаются активисты, получающие также деньги, которым я не верю, как и попам». «Когда начались аресты иностранцев-шущбундовцев, я сказал, что Советская власть арестовывает много невинных людей. Не может быть, чтобы все иностранцы

были врагами народа». Флухер получил пять лет лагерей, но затем был выслан за границу.

Арманд Вейс, командовавший шуцбундом северо-восточных районов Вены, прибыл в Москву в октябре 1934 г. и пользовался полным доверием представительства КПА при ИККИ. Вейс был арестован в марте 1938 г., вначале ему было предъявлено стандартное обвинение в шпионаже в пользу чехословацкой разведки, и под воздействием пыток он согласился подписать протокол. При возобновлении следствия в начале 1939 г. обвинение было изменено на антисоветскую агитацию. Единственный эпизод в деле Вейса, подтвержденный показаниями свидетелей и вошедший в обвинительное заключение, звучал так: «фашистские взгляды на роль женщины при социализме». На самом деле австриец всего лишь «выражал недовольство тем, что женщины в СССР наравне с мужчинами работают на разных тяжелых производствах».⁶⁵ Суд над ним состоялся 15 января 1940 года. Уникальный случай – на судебное заседание пришел лично представитель КПА при ИККИ Эрнст Фишер. Его поручительство, а также свидетельства других членов австрийской компартии привели к тому, что прокурор отказался поддерживать обвинение, и Арманд Вейс был оправдан.

Рекордсменами по длительности пребывания в предварительном заключении являлись рабочие Первого подшипникового завода в Москве Антон Рехбергер и Фердинанд Эйгрубер, получившие приговор только в декабре 1940 г. Первый написал за два с половиной года пребывания в московских тюрьмах более 50 жалоб и заявлений, доказывая, что обвинение его в антисоветской агитации смехотворно – «я не знал и до сих пор не знаю еще русского языка».⁶⁶ Ему разрешили подписать протокол с отказом от «признаний» ежовского периода, однако в дальнейшем о нем забыли, как и о многих других арестованных в марте 1938 г. Рехбергер выражал возмущение тем, что его, коммуниста с 1920 г., «пламенного приверженца советской системы», держат вместе с врагами народа, и в то же время вот уже больше года ни разу не вызывали на допрос. Напротив, Эйгрубер, совершенно разочаровавшись в коммунистических идеалах, в своих заявлениях делал ставку на то, что после аншлюса Австрии он стал германским гражданином и требовал немедленной отправки в Германию.

⁶⁵ Там же. Оп. 1. Д. П-8119.

⁶⁶ Там же. Оп. 2. Д. 29754. Письмо от 4 января 1940 г. наркому внутренних дел Берии.

⁶⁴ Там же. Оп. 2. Д. 30124. Последующие цитаты приводятся из данного дела, страницы которого не пронумерованы.

Щуцбундовцы вошли в политический пантеон советской пропаганды 1930-х гг. наряду с летчиками, устанавливавшими мировые рекорды дальности или полярниками, перезимовавшими на льдине. До их прибытия в Советский Союз единственным коллективным героем в странах Европы являлись коммунисты, хотя ни для кого уже не являлось секретом, что роль авангарда общественного прогресса оказалась им не под силу. «Бойцы венских баррикад» позволяли придать новое звучание тезису об обострении классово-борьбы на современном этапе, включить в него антифашистскую составляющую. Февральские события 1934 г. в Австрии и массовый приезд щуцбундовцев в СССР стали одним из факторов, способствовавших переосмыслению тактики Коминтерна, отказу от сектантской линии и новой ориентации компартий на установление антифашистского народного фронта.

Прием в Советском Союзе щуцбундовцев, их жен и детей не следует рассматривать исключительно как масштабную пропагандистскую акцию, одобренную высшим руководством страны. Немалую роль играли и гуманитарные соображения, желание показать мировой общественности, что Москва сохраняет верность положениям советской конституции 1924 г. о предоставлении политического убежища революционерам.

Приезд первого транспорта щуцбундовцев был обставлен с большой помпой, олицетворяя собой пролетарскую альтернативу государственным праздникам царской эпохи. Хотя в дальнейшем подобных торжеств не устраивалось, беженцы из Австрии получали по приезде не только солидную стартовую помощь, но и заряд идеологической бодрости, который, как казалось советскому руководству, должен был неминуемо привести их в ряды компартии. Финансирование программ интеграции щуцбундовцев в производственный процесс было возложено на профсоюзы, фактически данную нагрузку несли на себе все жители Советского Союза.

На первых порах это находило понимание в обществе. Героический образ борцов с «австрофашизмом» не был навязан ему извне – как и позже, во время гражданской войны в Испании, он находил живой отклик прежде всего у советской молодежи, олицетворяя собой преемственность «русской искры» и «европейского пожара». Однако Австрия, которая подавалась прессой как «жалкий осколок Версаля», не могла в течение длительного времени претендовать на роль до-

минирующего акцента в советской пропаганде. Вскоре внимание жителей страны было переключено на иные сюжеты, такие как война в Абиссинии и начало практической реализации агрессивных планов Германии на европейском континенте.

Щуцбундовцы оказались заложниками кампании в прессе, сформировавшей их идеализированный образ. Внимание властей, льготы и привилегии при трудоустройстве, всеобщее восхищение, которое они вызывали у окружающих, стимулировали иждивенческие настроения, чувство избранности и вседозволенности. Тот, кто соглашался на принятые в СССР правила игры, рассчитывал на адекватную оценку своих усилий по интеграции, не понимая, что речь шла не о его личных заслугах, а о степени полезности всего коллектива щуцбундовцев для сталинского режима.

Впоследствии австрийцам пришлось привыкать к роли «забытого героя». Уже к лету 1935 г. стало очевидно, что процесс их идеологической перековки буксует так же, как и процесс производственной интеграции. В первом случае щуцбундовцы отторгали «скучные и далекие от жизни политзанятия», хотя и понимали, что местные власти не может предложить им ничего иного. Во втором – решающую роль играл языковой барьер, а также то, что администрации предприятий шли по пути наименьшего сопротивления, предпочитая платить дотации, но не учитывать рациональные предложения и производственный опыт австрийцев.

«Золотая клетка», в которой находились щуцбундовцы в первые месяцы своего пребывания в СССР, не могла существовать вечно. Контакты с советскими коллегами на работе, решение бытовых проблем, борьба за приезд родственников – все это знакомило их с реалиями советской жизни, которые далеко не всегда отличались от австрийских в лучшую сторону. В переписке эмигранты из Австрии отмечали как хорошее, что те видели в поведении иностранцев, так и мертвящий бюрократизм, удивительным образом сочетавшийся с невиданной социальной динамикой той эпохи.

Отдельные успехи «врастания в социализм» лишь оттеняли доминирующую тенденцию взаимного отчуждения, в основе которой лежала пропасть в уровне жизни австрийских и советских рабочих. Весной 1935 г. «руководители Наркомтяжпрома, в системе которого трудилось подавляющее большинство иностранцев,

вынуждены были признать то, что тщательно скрывалось: СССР так и не смог стать второй родиной для тысяч иностранных трудящихся». ⁶⁷ Свидетельством этого стал их отток из страны после того, как условия оплаты труда иностранных специалистов были приравнены к тарифам для советских рабочих.

Щуцбундовцы не являлись исключением, хотя их «дезертирство с фронта борьбы за социализм» воспринималось властью особенно болезненно. Работа комиссии, созданной по решению Политбюро для выяснения причин массового отъезда австрийцев из СССР, завершилась ничем. Для восстановления «золотой клетки» не было более ни пропагандистских причин, ни материальных возможностей. В то же время комиссия избежала и другой крайности – обвинения всего коллектива щуцбундовцев в антисоветских настроениях, что грозило ему тотальной чисткой и массовыми репрессиями.

Нельзя не признать, что в этом коллективе было достаточно людей, которых власти за неимением лучшего понятия записали в разряд «плохих элементов». Они олицетворяли собой описанный Эриком Хобсбаумом типаж «социального бунтаря» XX века, ⁶⁸ который не мог привыкнуть к двуличию коммунистической

диктатуры и жесткому корсету, надетому на каждого человека, стремившемуся не приспособиться к окружающему миру, а перестроить его под себя. Отсюда нередкие случаи хулиганства, пьянства и девиантного поведения, которые определялись в большей мере характером конкретного человека, нежели окружающей его социальной средой.

В годы «большого террора» находившийся в СССР коллектив щуцбундовцев понес огромные потери. Эмигранты из Австрии представляли собой то, что на служебном жаргоне органов НКВД называлось «враждебной национальностью», к тому же они являлись носителями социал-демократической идеологии и людьми с военным опытом. Набор этих качеств превращал их в потенциальную «пятую колонну», неважно, какой разведке она подчинялась – германской, чехословацкой, или даже итальянской. Репрессии в отношении щуцбундовцев, развернувшиеся после 22 июня 1941 г., лишь довершили начатое четырьмя годами ранее, не выходя за рамки общей логики сталинского режима.

Любая идеализация порождает последующее разочарование, идет ли речь о любви и браке или о более сложных общественных процессах. Щуцбундовцы оказались инструментом и одновременно жертвой пропаганды о социалистическом рае в СССР, подтвердив на личном опыте всю тщетность попыток бюрократического регулирования естественного чувства солидарности трудящихся различных стран Европы.

⁶⁷ Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электrozавода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000. С. 284.

⁶⁸ Hobsbawm E. Die Banditen. Raeuber als Sozialrebellen. Muenchen, 2007.

Библиография:

1. McLoughlin B., Schafranek H., Szewera W. Aufbruch – Hoffnung – Endstation. Oesterreicherinnen und Oesterreicher in der Sowjetunion, 1925–1945. Wien, 1997.
2. Oesterreicher im Exil-Sowjetunion 1934–1945. Eine Dokumentation. Wien, 1999.
3. Рошер Г. СССР моя родина. М., 1937.
4. Байес Ф. Дети щуцбундовцев в Советском Союзе. М., 1935.
5. Маклоклин Б. Бутово: австрийские жертвы сталинского террора // Бутовский полигон. Вып. 5. М., 2001.
6. Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электrozавода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000.

References (transliterated):

1. McLoughlin B., Schafranek H., Szewera W. Aufbruch – Hoffnung – Endstation. Oesterreicherinnen und Oesterreicher in der Sowjetunion, 1925–1945. Wien, 1997.
2. Oesterreicher im Exil-Sowjetunion 1934–1945. Eine Dokumentation. Wien, 1999.
3. Rosher G. SSSR moya rodina. M., 1937.
4. Baies F. Deti shutsbundovtsev v Sovetskom Soyuze. M., 1935.
5. Makloklin B. Butovo: avstriiskie zhertvy stalinskogo terrora // Butovskii poligon. Vyp. 5. M., 2001.
6. Zhuravlev S. V. «Malen'kie lyudi» i «bol'shaya istoriya»: inostrantsy moskovskogo Elektrozavoda v sovetskom obshchestve 1920–1930-kh gg. M., 2000.